

УДК 811.161.1

О РУССКОЙ КАНЦЕЛЯРСКОЙ ТРАДИЦИИ

© Т.В.Кортава

Статья посвящена проблеме формирования письменного юридического языка. Автор отмечает, что начальный этап этого процесса совпадает с переходом от устного обычного права к письменной правоприменительной практике. Письменный юридический язык изначально был узкоспециализированным. Важное место в статье занимает исследование причин отсутствия устойчивой русской канцелярской традиции, главными из которых, по мнению автора, являются политическая нестабильность в государстве и отсутствие систематического обучения письменному юридическому языку. Современный деловой язык испытывает вредное влияние административно-делового жаргона и нуждается в серьезном контроле со стороны филологического сообщества.

Ключевые слова: канцелярская традиция, формуляр, приказный язык, письменный юридический текст.

Отличительной особенностью лингвистической ситуации эпохи позднего средневековья является сосуществование двух письменных языков: литературного церковнославянского и административно-делового. Современный русский литературный язык включает в себя пять стилей: четыре письменных и один разговорный. Переход от письменного двуязычия к полифункциональности литературного языка – процесс сложный и недостаточно изученный.

История официально-делового стиля современного русского литературного языка уходит в дописьменную эпоху, в период бытования устного обычного права, точного времени возникновения которого историки определить не могут. Обычное право – это те юридические нормы, которые соблюдаются всеми представителями общества или определенным его кругом вследствие согласного убеждения в необходимости им подчиняться [1: 8]. В дописьменную эпоху почти исключительными формами права были обычай и договор.

За обычаем не стоит авторитет власти, который диктует соблюдение правовых норм. Обычное право базируется на подражании, возникшем в результате анализа и обобщения сходных условий жизни, ситуаций и поступков.

Язык официально-деловых документов в историческом плане представляет собой очень подвижную систему. Изменения в ней обусловлены не только собственно лингвистическими изменениями, но и экстралингвистическими факторами. Это пограничная, интегративная область историко-филологического исследования, которая объединяет интересы историков права, специалистов в области дипломатики публично-правовых и частно-правовых актов, палеографов и лингвистов.

Многие ученые полагают, что начало развития письменного юридического языка примерно

совпадает с периодом распространения грамотности на Руси, хотя А.И.Соболевский считал, что нормы устного обычного права начинают закрепляться на письме только в XIV веке [2]. По-видимому, А.И.Соболевский обозначил время постепенного распространения административного языка Москвы на всей территории Северо-Восточной Руси.

Причины перехода от устного обычного права к письменной правоприменительной практике были рассмотрены В.Барнетом. Он исходил из того, что в дописьменную эпоху в оформлении юридических отношений язык играл второстепенную роль, а главным был порядок следования общепринятым в данном социуме правовым нормам, сформировавшимся в ходе длительной прецедентной практики [3]. В дописьменную эпоху убеждали не словом, а делом, следуя принципу «так надо поступать, потому что мы так поступали всегда, куда себя помним».

Становление письменного юридического языка началось во второй половине XVI века, в период правления Ивана IV, который считал своей главной задачей собирание русских земель и ликвидацию феодальной раздробленности. Именно тогда и началось формирование письменного юридического языка. В централизованном государстве, созданном Иваном Грозным, правовые нормы не могли зависеть от установленных определенным социумом правил, поэтому обычай на местах в XVI веке был вытеснен юридическими нормами центра, и административно-деловой язык Москвы стал образцом для всей территории русского государства.

С социолингвистической точки зрения для истории русской канцелярской традиции важно подчеркнуть первоначальную значимость невербальной коммуникации, некую правовую имплицитность, которая не сразу могла быть зафиксиро-

рована на письме ввиду отсутствия полного, повсеместно принятого перечня правовых обычаев, который можно было бы извлечь из единого устного источника. Возможно, именно это обстоятельство скрывается за поговоркой «ему закон не писан», которая характеризует ситуацию, когда субъект по-прежнему следует некоему обычаю, еще не нашедшему отражения в письменном нормативном кодексе, или он не хочет следовать письменному закону в силу устоявшейся привычки. Не случайно в научной среде существует гипотеза о бытовании устной «Русской Правды», текст которой впоследствии был положен на бумагу.

К концу XVI – началу XVII века окончательно сложились нормы и структура административно-делового языка Московской Руси. Письменный юридический язык по названию административных учреждений Московской Руси получил название приказного языка. Его нормы были официально закреплены печатным Уложением 1649 года и стали обязательными при написании любых документов на всей территории Московской Руси.

Составлением юридических текстов занималась особая каста профессиональных писцов. Несмотря на большое количество берестяных грамот с текстами бытового содержания, трудно поверить в то, что в Древней Руси читать и писать могли люди разного социального происхождения. Много грамот было найдено в одном районе Новгорода, а их стиль отличался набором определенных сокращений, дешифровать которые могли только люди, посвященные в этот своеобразный код.

Письменный юридический язык представлял собой строго структурированную систему. Ярким маркером деловой речи, своеобразной текстообразующей единицей была формула. Формула представляет собой единство определенного юридического содержания и относительно устойчивого набора средств языкового выражения с обязательным включением терминов или терминологических сочетаний. Она может состоять из словосочетания, предложения или нескольких предложений, связанных между собой синтаксически и по смыслу. Формулы исследуются в ходе лингвотекстологического анализа, целью которого является диахроническое исследование соответствия между их юридическим содержанием и средствами языкового выражения. Это соответствие получило название формуляра.

Изучением различных формуляров юридических текстов занимаются историки права, специалисты в области дипломатики. Основным приемом дипломатики является клаузуальный

анализ, в ходе которого исследуются изменения в формулярах. Установлено, что существуют два типа изменений в формуляре: экстралингвистические и лингвистические. Первые связаны с изменениями в правоприменительной практике. Русская правоприменительная практика, возможно, в силу долгого господства устного обычного права чрезвычайно консервативна, поэтому таких изменений в формуляре почти нет. Русские юридические документы отличаются изменениями второго типа. Небрежность, невнимательность или недостаточная выучка – эти обстоятельства могли обусловить причину творческого подхода писцов в средневековой Руси к составлению документов. По мнению известного историка права М.Н.Смирнова, они приносили в формуляры целый ряд импровизированных ошибок, литературных вольностей, местных особенностей, неправильных представлений о юридическом значении определенных слов [4: 53].

На Западе в короткий срок сложилась письменная юридическая традиция, устоялись четкие юридические формулы, т.е. сформировалась так называемая «канцелярность». Она подавляла и запрещала индивидуальное творчество в области составления документов. На Руси канцелярности не было. В системе приказов так и не выработались единые образцы документов, регулирующие публично-правовые и частно-правовые отношения в Московской Руси. В период расцвета приказной системы делопроизводства, в эпоху «площадных подьячих» – предшественников современных нотариусов – можно говорить о большей устойчивости публично-правового формуляра, но, тем не менее, форма документа удостоверительного или осведомительного характера могла варьироваться в зависимости от того, на какой площади он писался. Что касается частно-правовой сферы (купчих, закладных, прощальных и духовных грамот), в качестве постоянных элементов они содержали только зачин и концовку.

Самое раннее упоминание о площадном подьячем Палке Белозерце относится к 1546 г. По историческим документам известно, что «указное число» площадных подьячих к концу XVII века было 400. Они «кормились пером», государева жалования не получали – только «могарычь». Квалификацию площадных подьячих метко охарактеризовал поэт А.П.Сумароков, адресуя Эпиграмму №9 «Подьячему, Писцу или Писарю, то есть, къ таковому человѣку, которой пишеть, не зная того, что онъ пишеть» [5: 275], и иронизируя над тем, как «пекутся они о хорошем почеркѣ», или «почертке» [6: 12] и больше боятся «формоотступления», чем «законопреступле-

ния» [6: 30]. Можно говорить о последующих поколениях «безграмотных крючкотворцев», вспомнив мастерски изображенное Н.В.Гоголем почти через 200 лет канцелярское усердие Акакия Акакиевича Башмачкина: «Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его» [7: 585].

Небрежная организация правоприменительной практики в Смутное время, неожиданные, непредсказуемые государственные реформы препятствовали формированию канцелярности, подрывали авторитет к содержанию документов и их составителям. Не случайно в XVIII веке появилось словосочетание «площадной враль», которое впоследствии переключалось в политический дискурс. Так, видный общественный деятель и философ М.М.Сперанский, полемизируя со своим противником, называл его «простой площадной враль в политике» [8: стлб. 1771].

Письменный юридический язык изначально был специализирован и малодоступен даже для образованной части населения. Ему необходимо было учиться, поэтому главной причиной отсутствия сложившейся канцелярности на Руси следует считать недостаток систематического обучения профессиональных писцов. В 1551 году Стоглавый Собор принял решение о повсеместном учреждении городских училищ, но только в 1633 году близ Патриаршего дворца было учреждено первое городское училище. Учитель относился к неподатному сословию и приравнивался к ремесленнику. Полный курс обучения в училище, включавший чтение, письмо и пение, был рассчитан на два года. В 1649 году в Андреевском монастыре боярин Ртищев открыл вольную академию наук, в 1675 году появилась школа в Спасском монастыре, а в 1677 при церкви Иоанна Богослова в Китай-городе – школа «с преподаванием грамматической хитрости». Для обеспечения учебного процесса в московской типографии печатались азбуки-прописи. В азбуках-прописях XVII века, или «пописях учительных» для «отрочат», третий раздел непременно включал образцы деловых бумаг (челобитные, заемные кабалы), которые заучивались путем многократного переписывания.

В этой связи очень интересной является одна из ранних работ выдающегося педагога и лингвиста Л.В.Щербы, его доклад на педагогическом собрании преподавателей Первого кадетского корпуса. В своем выступлении Л.В.Щерба утверждал, что для практического обучения

письму нет никакой надобности проходить всю грамматику. Орфографические правила не должны быть предметом самостоятельного изучения. В качестве основного метода при обучении письменному языку рекомендуется зрительный, или моторный. Учащимся следует запоминать вид слов и движения, необходимые для их написания. Систематическое списывание верных образцов и обобщение некоторого числа частных случаев – суть предложенной Л.В.Щербой «методики бессодержательного, т.е. совершенного владения письменной речью». Л.В.Щерба убеждал, что если бы мы думали обо всех движениях, которые мы совершаем при ходьбе, то мы бы разучились ходить. Ибо только то совершается безошибочно, что совершается бессознательно, механически [9].

Историки языка подтверждают, что в Московской Руси приказный язык усваивался активно, так как в ходе обучения вырабатывались навыки самостоятельной письменной речи, в отличие от овладения церковнославянским языком, которое было пассивным, так как внимание при его изучении было сконцентрировано на чтении [10]. Тем не менее такое обучение письменному юридическому языку трудно назвать систематическим. В Московской Руси не было специальных профессиональных учебных заведений для подьячих и стряпчих. Составление документов оставалось семейным ремеслом. Секреты мастерства передавались «упражнениями от отца к сыну», поэтому площадные подьячие по большей части происходили из приказных династий и хорошо знали «свою словесность, для ябеды и разных пронырств удобную». Корпоративная замкнутость плохо обученных писцов порождала пренебрежительное отношение к ним и в целом не способствовала формированию культуры доверия к законодательной и правоприменительной практике. Кроме того, творческая переработка документа делала его амбивалентным, давала возможность для двоякого толкования, что категорически противоречило принципу равенства всех перед законом.

В петровскую эпоху «мизерный раб, правды всеусердный желатель» Иван Тимофеевич Посошков в книге «О скудости и богатстве» представил Петру Первому «Проект о школах», в котором настаивал на том, что «российский народ неучен есть и о семь великая нужда надлежит», поэтому надо в Москве «состроить» академию, «собрать учителей от различных стран» (даже из «лютерской вѣры») и учить «всех поповых и дьяконовых и дьячковых и понамарских детей... грамматике и всякаго книжнаго разума» [11: 25].

В 1755 году был открыт Московский университет. На одном из первых факультетов – юридическом – риторике было отведено достаточно времени. Прежде чем начать обучение на юридическом и медицинском факультетах, студент должен был пройти двухгодичный курс на философском факультете. Только там читались лекции по «оратории и стихотворству». Этот период был своеобразной подготовительной школой, в которой шли интенсивные занятия практической риторикой, проводились еженедельные диспуты по объявленным за три дня тезисам, составлялись письменные отчеты по результатам дискуссий.

Несмотря на это, овладение нормами письменного юридического языка и в XIX веке по-прежнему оставалось актуальной профессиональной задачей. По свидетельству М.Магницкого, выпускники высших учебных заведений, поступившие на государственную службу, оказывались неспособными составить деловой документ. Он с ностальгией восклицал: «Считается, что деловой язык – это подьяческий и учиться ему не нужно после правил общей словесности, между тем деловая словесность допетровской эпохи дает такие образцовые произведения, до которых мы едва ли еще доросли» [12: 14].

В начале XX века крутые повороты в политической и культурной истории России не способствовали сохранению той письменной канцелярской традиции, которая начала формироваться в XIX веке под западноевропейским влиянием. Полный разрыв с предшествующим укладом и образом жизни, отрицание прежней законодательной и правоприменительной практики привело на старт новой канцелярской традиции малообразованных авторов мандатов. Страну охватила волна перемен на фоне ликвидации безграмотности и борьбы за счастье всего человечества. Началась мучительная и небезопасная эпоха становления новых формуляров на фоне революционного сбрасывания с парохода истории прежних авторитетов в области письменной и литературной культуры. Этот период в истории делового стиля пока не нашел своего исследователя.

Современные юридические тексты в языковом плане не отличаются однозначностью, четкостью формулировок и изяществом слога. И устные речи юристов совсем не похожи на выступления А.В.Луначарского, А.Ф.Кони и не могут быть пособием по обучению ораторской речи. Лингвисты с тревогой пишут об угрозе русскому литературному языку со стороны административно-делового жаргона, который посредством тиражирования в СМИ засоряет речь новым «канцеляритом», гораздо более агрессивным,

чем тот, о котором в 1961 г. писал в своей книге «Живой как жизнь» К.И.Чуковский, выбрав для неё в качестве названия слова вдохновенного борца за чистоту и красоту русского слога Н.В.Гоголя.

Серьезную угрозу для современного официально-делового стиля представляет административно-деловой жаргон. Как и всякий другой профессиональный жаргон, он сложился в определенном кругу носителей, которые в процессе неформального профессионального общения пользуются специальными обозначениями, словесными паролями, принятыми именно в этом, корпоративно замкнутом кругу. Представители данной профессиональной субкультуры отличаются своеобразным двуязычием: владея литературным языком, они сознательно пользуются в профессиональной сфере корпоративным жаргоном.

Печальным фактом нашего времени является активное проникновение в официальную административно-деловую речь элементов уголовного жаргона, которые перестают осознаваться как маргинальные. Такие лексико-семантические новообразования, как *задел*, *подвижки*; словообразовательные варианты: *задействовать*, *отследить*, *отъехать*, *переговорить*; административные идиомы: *дать отмашку*, *спустить приказ* из устного общения проникают в служебные записки, письменные заявления и распоряжения.

Борьба с административно-деловым жаргоном началась не вчера. К.Г.Паустовский называл бюрократический язык *мертвым и тошнотворным*, Борис Лавренев с возмущением писал о частотном употреблении глагола *зачитать* вместо *прочитать*, объясняя это «налетом буржуазной безвкусицы» [13: 6].

Современный административно-деловой стиль характеризуется пониженной этикетностью, а порой и очевидной грубостью. Стремление к нарочитой простоте и корпоративной фамильярности, которые культивировались в чиновничьей среде в советские годы, сменились укреплением вертикали и пренебрежительным общением внутри данного профессионального сообщества.

Размышляя над причинами таких перемен, уместно вспомнить поговорку «всё возвращается на круги своя» и обратиться к бессмертным творениям Н.В.Гоголя. В поэме «Мертвые души», описывая чиновников казенной палаты, автор отмечал, что «Говорили они все как-то сурово, таким голосом, как бы собирались кого прибить» [14: 439]. Именно интонационный рисунок речи «значительного лица», его отрывистый и твердый голос, которому он учился в уединении, пе-

ред зеркалом, за год до получения генеральского чина, лишил чувств героя повести «Шинель» Акакия Акакиевича Башмачкина, и он «не слышал ни рук, ни ног» [7: 606].

Устная речевая манера накладывает безусловный отпечаток на письменную речь. Упреки в тяжеловесности и безграмотности часто парируются объяснением необходимости точно и однозначно сформулировать мысль, но мышление и язык неразрывно связаны. И текст должен отражать гармонию формы и содержания.

Несмотря на стремление государственных служащих определить строгие параметры формуляров документов и правил их составления, низкий уровень письменной культуры и самоконтроля, свойственный русскому коммуникативному поведению, размывание стилистических границ в официально-деловой речи препятствуют формированию устойчивой канцелярской традиции. Отсутствие четкой стратегии в языковой политике государства не способствует нормализации и четкой кодификации норм юридического языка, хотя словари юридических терминов и сборники нормативно-правовых актов издаются многотысячными тиражами. Отрадно видеть, что в последние два десятилетия в учебные планы многих высших учебных заведений постепенно вводится дисциплина «Письменная юридическая речь», поэтому полагаем, что в недалеком будущем процесс формирования современной канцелярской традиции успешно завершится. Это жизненно необходимо для прочной основы правового государства.

*****

1. *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. – Петроград: [б.и.], 1920. – 283 с.

2. *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. – М.: Университетская типография, 1907. – 309 с.
3. *Barnet V.* Toward a sociolinguistic interpretation of the origins of the Slavonic literary language // *The Formation of the Slavonic Literary Languages.* – USA: Slavica Publishers, 1985. – 827 p.
4. *Смирнов М.Н.* Некоторые замечания о дипломатическом анализе частного документа // Сборник статей, посвященных А.С.Лаппо-Данилевскому. – Петроград: [б.и.], 1916. – 311 с.
5. *Сумароков А.П.* Полное собрание сочинений в 10 томах. – М.: [б.и.], 1787. – т. 7. – 389 с;
6. *Сумароков А.П.* Полное собрание сочинений в 10 томах. – М.: [б.и.], 1787. – т. 10. – 304 с.
7. *Гоголь Н.В.* Избранные произведения в двух томах. – Л.: Лениздат, 1965, – Т. 1. – 708 с.
8. *Русский архив.* Историко-литературный сборник. – Выпуск 6. – М.: тип. В. Грачева и Ко, 1868. – 592 с.
9. *Щерба Л.В.* О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Труды 1-го съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. – СПб.: [б.и.], 1904. – С.14 – 27.
10. *Успенский Б.А., Живов В.М.* Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII века // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics.* – Slavica XXVIII, 1983. – 31 с.
11. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. – М.: Экономическая газета, 2001. – 416 с.
12. *Магницкий М.* Краткое руководство к дѣловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. – М.: в тип. Лазаревых инта вост. яз., 1835, – 120 с.
13. *Виноградов В.В.* О культуре русской речи // *Русский язык в школе.* – 1961. – № 3 – С. 3 – 9.
14. *Гоголь Н.В.* Избранные произведения в двух томах. – Л.: Лениздат, 1965, – Т. 2. – 680 с.

ON RUSSIAN BUREAUCRATIC TRADITION

T.V.Kortava

This article focuses on issues pertaining to the written legal language and its formation. It suggests that the starting point of this process coincides with the transition from customary law to written law enforcement. Initially, written legal language was highly specialized. In the article, special attention is paid to research into the reasons for the absence of a sustainable bureaucratic tradition in Russia. We believe that the main reasons include political instability in the country and the absence of systematic education in the area of written legal language. Modern business language is experiencing a detrimental effect of the business administration jargon and needs to be seriously controlled by the philological community.

Key words: bureaucratic tradition, logbook, clerical language, written legal text.

*****

1. *Lappo-Danilevskij A.S.* Oчерк# russkoj diplomatiki chastnyh# aktov#. – Petrograd: [b.i.], 1920. – 283 s. (In Russian)
2. *Sobolevskij A.I.* Lekcii po istorii russkogo jazyka. – M.: Universitetskaja tipografija, 1907. – 309 s. (In Russian)

3. *Barnet V.* Toward a sociolinguistic interpretation of the origins of the Slavonic literary language // The Formation of the Slavonic Literary Languages. – USA: Slavica Publishers, 1985. – 827 p.
4. *Smirnov M.N.* Někotoryja zamechanija o diplomatičeskom# analizě chastnogo dokumenta // Sbornik# statej, posvjashhennyh A.S.Lappo-Danilevskomu. – Petrograd: [b.i.], 1916. – 311 s. (In Russian)
5. *Sumarokov A.P.* Polnoe sobranie sochinenij v 10 tomah. – M.: [b.i.], 1787. – T. 7. – 389 s. (In Russian)
6. *Sumarokov A.P.* Polnoe sobranie sochinenij v 10 tomah. – M.: [b.i.], 1787. – t. 10. – 304 s. (In Russian)
7. *Gogol' N.V.* Izbrannye proizvedenija v dvuh tomah. – L.: Lenizdat, 1965, – T. 1. – 708 s. (In Russian)
8. Russkij arhiv#. Istoriko-literaturnyj sbornik#. – Vypusk 6. – M.: tip. V. Gracheva i Ko, 1868. – 592 s. (In Russian)
9. *Shherba L.V.* O sluzhebnom i samostojatel'nom znachenii grammatiki kak uchebnogo predmeta // Trudy 1-go s#ezda prepodavatelej russkogo jazyka v voenno-uchebnyh zavedenijah. – SPb.: [b.i.], 1904. – S.14 – 27. (In Russian)
10. *Uspenskij B.A., Zhivov V.M.* Vydajushhijsja vklad v izučenie russkogo jazyka XVII veka // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. – Slavica XXVIII, 1983. – 31 s. (In Russian)
11. *Pososhkov I.T.* Kniga o skudosti i bogatstve. – M.: Jekonomičeskaja gazeta, 2001. – 416 c. (In Russian)
12. *Magnickij M.* Kratkoe rukovodstvo k# dĕlovoj i gosudarstvennoj slovesnosti dlja činovnikov, vstupajushhih v sluzhbu. – M.: v tip. Lazarevyh in-ta vost. jaz., 1835, – 120 s. (In Russian)
13. *Vinogradov V.V.* O kul'ture russkoj reči // Russkij jazyk v shkole. – 1961. – № 3 – S. 3 – 9. (In Russian)
14. *Gogol' N.V.* Izbrannye proizvedenija v dvuh tomah. – L.: Lenizdat, 1965, – T. 2. – 680 s. (In Russian)

* * * * *

Кортава Татьяна Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.
E-mail: tkortava@mail.ru

Kortava Tatiana Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language for Foreign Students of Natural Sciences Faculties, Lomonosov Moscow State University.

1 Leninskije Gory, Moscow, 119991, Russia.
E-mail: tkortava@mail.ru

Поступила в редакцию 24.07.2014